

Прошёл час с тех пор, как я занялся с Еленой сексом, чтобы исцелить её.

Лёгкий шорох привлёк моё внимание — ресницы Елены задрожали. Её дыхание изменилось, стало менее глубоким и ровным. Я выпрямился на стуле, не зная, чего ожидать, когда она полностью придёт в себя.

— Хн... — тихий звук сорвался с её губ, когда сознание медленно возвращалось.

Её глаза постепенно открылись. Секунду она смотрела в потолок, выражение лица было пустым и растерянным. Затем, по мере того как осознание возвращалось, она попыталась сесть.

Резкий вдох сопровождал её движение, лицо тут же исказилось от дискомфорта. Брови нахмурились, когда стало ясно, что боль внизу всё ещё ощутима.

— Осторожно, — мягко сказал я, не двигаясь, чтобы помочь. Последнее, что ей сейчас нужно, — мои руки на ней снова.

Елена, несмотря на дискомфорт, сумела приподнять верхнюю часть тела, подавив зевот тыльной стороной ладони. Движения были медленными, каждый сдвиг вызывал лёгкую гримасу. Она оглядела маленькую комнату с нарастающей осознанностью, затем замерла.

Её взгляд скользнул к ногам, и воспоминания о случившемся обрушились на неё, как холодная волна. Инстинктивно она сжала бёдра и потянулась поправить юбку, хотя та уже была в порядке. Жест был чисто рефлекторным — попытка вернуть хоть каплю скромности после интимного вторжения в её тело.

Я позаботился о том, чтобы аккуратно её одеть, убедившись, что одежда выглядит опрятно, словно ничего не произошло. Но одежда не могла стереть физические следы того, что между нами было.

Рука Елены дрожала, когда она потянулась к рубашке, проверяя, застёгнута ли она. Всё выглядело нормально, но постоянная боль между ног служила неоспоримым подтверждением её утраченной невинности.

Когда она наконец посмотрела на меня, её глаза были полны сложной смеси эмоций — смущения, растерянности и, возможно, благодарности, борющейся со стыдом. Я сидел, неловко пытаясь встретить её взгляд.

— Прости, — начал я, голос прозвучал грубее, чем я хотел. — Я не мог... оставить тебя так. Нашёл воду и салфетки в шкафу вон там. — Я указал в угол комнаты. — Использовал их, чтобы... привести тебя в порядок и протереть стол... ну, я постарался сделать так, чтобы тебе было удобно. Но больше ничего не делал, клянусь. Хотел, чтобы ты очнулась с сохранённым

достоинством.

Признание повисло в воздухе. Елена несколько раз моргнула, обдумывая мои слова, затем её лицо стало ярко-алым. Она быстро отвела взгляд, не в силах смотреть мне в глаза.

— Я... я правда исцелена? — спросила она первой, взглянув на свои руки и удивлённо моргнув, заметив, что они обмотаны полосками ткани.

Я использовал куски старой простыни, чтобы скрыть укус. Вид перевязанных рук явно её удивил.

— Я решил их закрыть на случай, если кто-то увидит, — объяснил я. — Но да, ты исцелена. Должна чувствовать разницу, верно? Жжение должно полностью исчезнуть.

Елена сглотнула, глядя на свои руки. Она смотрела на своё тело с удивлением, затем зачем-то прижала ладонь к животу, словно проверяя, нет ли других изменений.

— Д... да, — выдохнула она, голос был полон изумления. — Это... ты правда меня исцелил? — Она посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, осознание спасения наконец полностью дошло до неё.

Слышать о чудесном исцелении — одно, но пережить его самому — совсем другое. Инфекция исчезла полностью.

— Я же сказал, что могу, — ответил я со слабой улыбкой, но быстро отвёл взгляд. Воспоминания о том, что мы сделали, были слишком свежими, слишком болезненными. — Елена... во время... процесса я тебя поцеловал. Это не было нужно для исцеления. Прости за это.

Мне пришлось извиниться, ведь это не было необходимо для лечения, и я чувствовал за это вину.

Румянец Елены стал ещё гуще, её губы задрожали, когда полные воспоминания о нашем контакте нахлынули. Как она реагировала на мои прикосновения, звуки, которые издавала, момент, когда боль уступила чему-то иному.

Теперь, когда всё закончилось, между нами повисла неловкость.

— Я не смог сдержаться, — продолжил я, заставляя себя быть честным. — Мне было сложно держать себя в руках, и поцелуй помог успокоить некоторые... порывы.

— Порывы? — Елена слегка прищурилась.

— Тебе лучше не знать подробностей... — Я замялся, нарочно оборвав фразу.

Если бы я сказал, что хотел сорвать с неё рубашку, лифчик, уткнуться в её грудь и...

Нет!

Я быстро потряс головой.

Эти мерзкие мысли!

Прочь!

— Х... хорошо, — быстро согласилась Елена, уловив серьёзность в моём тоне. Она нервно сжала руку, затем сделала дрожащий вдох. — Я... сначала не верила, когда ты сказал, что можешь меня исцелить. Казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Но ты правда меня спас, и за это... — Она замялась, подбирая слова. — Я правда благодарна.

— Не за что. Это лучше, чем потерять руку, верно? — Слова вырвались, прежде чем я успел их остановить, и я тут же пожалел о грубости.

Она была женщиной, только что потерявшей девственность в отчаянных обстоятельствах. Как я мог понять, что эта жертва для неё значила?

— Прости, — быстро добавил я. — Это было бездумно.

— Да, немного, — ответила Елена, удивив меня честностью. Она смотрела на свои руки, избегая моего взгляда. — Я не хотела терять руку... способность работать, заботиться о себе. Я всё ещё чувствую... боль, что это пришлось сделать здесь, сейчас. Но... — В её голосе смешались горечь и облегчение. — Я жива. Я думала, мне конец, так что... спасибо.

— Это я должен тебя благодарить, — пробормотал я себе под нос.

В конце концов, она была третьей женщиной, с которой я был близок за два дня, и ещё одной потрясающей красавицей, которая...

— Ч... что ты сказал?! — Голос Елены резко повысился, и я понял, что сказал это не так тихо, как думал. Её обычная решительность вернулась вместе с гневным взглядом.

— Н... ничего, — быстро выпалил я, столкнувшись с её пылающим, злым и глубоко смущённым выражением.

Елена смотрела на меня, будто вот-вот расплечется, её руки инстинктивно закрыли тело, хотя она была полностью одета. Этот жест был душераздирающим в своей уязвимости.

Слишком поздно для скромности, подумал я, но промолчал.

— В любом случае, — сказал я, вставая со стула и потягивая затёкшие мышцы, — надо присоединиться к остальным. Они гадают, куда мы пропали.

— погоди, — окликнула Елена, когда я направился к двери. Её голос был нерешительным. — Ты не расскажешь о своих... странных силах? Как это вообще возможно...?

Я замер, держась за дверную ручку, размышляя, сколько раскрыть. Правда в том, что я сам едва понимал.

— Честно, я понятия не имею, как это работает, — признался я, покачав головой. — Эти способности проявились в день, когда меня укусили, и я думал, что умру. Всё это для меня ново. — Я повернулся к ней, лицо стало серьёзным. — Но, Елена, пожалуйста... никому об этом не говори. Я держу эти силы в секрете и хочу, чтобы так осталось. Есть люди, которые могут использовать эту информацию во вред нам обоим.

Я не знал, почему был в этом уверен, но тот сон ясно предупреждал меня, помимо того, что открыл мою способность.

Елена слегка кивнула.

— Не скажу никому, — пообещала она. Затем, покраснев ещё сильнее, добавила: — Но ты тоже должен мне кое-что пообещать. Не рассказывай никому о том, что здесь произошло между нами...

То, что мы пережили, было интимным и отчаянным, рождённым необходимостью, но не менее значимым. Это был секрет, который свяжет нас, хотим мы того или нет.

— Не буду, не волнуйся — твоя сестра может меня убить, — сказал я, выдавив слабый смешок, чтобы немного разрядить неловкость.

Но реакция Елены была не такой, как я ожидал. Вместо улыбки, на которую я надеялся, она посмотрела на меня так, что у меня ёкнуло сердце — смесь страха и чего-то, что я не мог точно определить.

— Она правда может... — Голос Елены оборвался.

— Что? — Я наклонился ближе.

— Ничего... — быстро сказала она, слишком быстро. Она сползла со стола, но, как только ноги коснулись холодного бетонного пола, её колени подогнулись. Боль от потери девственности ударила, это было видно по её лицу — резкий вдох, зажмуренные глаза, рука инстинктивно ухватилась за край стола.

Не думая, я потянулся и поймал её за локоть, чтобы она не упала. Но в тот момент, когда моя кожа коснулась её, она отпрянула, словно я её обжёг.

Я отдёргнул руку, подняв её в жесте сдачи.

— Прости, — сказал я, слово прозвучало грубее, чем я хотел.

— Н... нет, просто... — Лицо Елены побледнело. В её глазах теперь была паника, открытая и неприкрытая. — Дай мне время... это всё ещё странно для меня.

Я видел, как она пытается осмыслить случившееся — не только физический акт, но и всё, что с ним связано. Интимность, уязвимость, то, как её мир изменился за несколько отчаянных минут. Она пыталась примирить Елену, которой была час назад, с той, кем стала, и я видел эту борьбу на её лице.

Я медленно кивнул, давая ей пространство.

— Да, не торопись, — сказал я мягче. — Я проверю снаружи, дам тебе минутку... отдохнуть.

Я отвернулся, отчасти чтобы дать ей уединение, отчасти потому, что видеть её в таком смятении было мучительно. Мои шаги гулко отдавались на бетоне, пока я шёл к двери. Она была закрыта и заперта на старомодный ключ, висевший на крючке рядом.

Я потянулся за ключом, пальцы сомкнулись на холодном металле. Мы упали с крыши, но недалеко — может, на этаж ниже кабинета директора. По крайней мере, я на это надеялся. Сидни и остальные уже должны были пробраться внутрь, если им удалось избежать хаоса снаружи.

Ключ повернулся с мягким щелчком, который показался неестественно громким в тишине.

Тут же я услышал их — рычание и шаркающие шаги, саундтрек этого кошмара. Я чуть приоткрыл дверь, заглядывая в узкую щель в коридор.

Пятеро пока. Я видел, как пять заражённых бродят по коридору, но в тених или других комнатах их могло быть больше. Коридор тянулся в обе стороны, вдоль него выстроились двери — вероятно, учительские или административные помещения.

— Елена, есть идеи, как попасть на этаж кабинета директора? — спросил я через плечо, не отрываясь от наблюдения.

— Нет... — Её голос был слабым. — Я вообще никогда не была на этом этаже или выше.

— Понял. — Я подавил вздох. Конечно, она не была. Зачем студенту бывать на административных этажах, если только у неё не было проблем?

Значит, путь искать мне. Я схватил нож, оставленный на стуле.

— Оставайся здесь, — сказал я Елене, обернувшись, чтобы убедиться, что она слушает.

Я выскользнул в коридор, тихо закрыв дверь за собой.

Ближайший заражённый тут же меня заметил. Его голова дёрнулась в мою сторону с той неестественной, рваной манерой, и он начал приближаться. Я быстро шагнул в сторону, схватив его за плечи и используя его инерцию, чтобы затолкать в ближайшую комнату. Я захлопнул дверь, услышав удовлетворительный стук его тела о дальнюю стену.

Осталось пятеро, считая того, которого я не заметил. Я оценил ситуацию: трое надвигались слева, двое — справа. Коридор был достаточно узким, чтобы они не могли наброситься все сразу, но достаточно широким, чтобы я не мог их блокировать.

Мой разум лихорадочно искал план. Мы были в ловушке посреди коридора, угрозы с обеих сторон, и я не знал, где лестницы или как попасть наверх. Когда раздражение начало нарастать, мой взгляд упал на что-то на стене прямо передо мной.

За стеклянной панелью висел план этажа — одна из тех эвакуационных карт, что обязательны в общественных зданиях. Я видел схему всего этажа, помеченные комнаты и, главное, расположение лестниц.

Я широко улыбнулся.

Наконец-то удача!

Я разбил стекло рукояткой ножа, звук резко разнёсся в тесном пространстве. Несколько заражённых повернулись на шум, их движения стали более возбуждёнными. Я быстро вытащил карту, изучив её за секунду, чтобы сориентироваться.

Главная лестница была в пятидесяти футах слева, за группой из трёх заражённых. Справа ближе была служебная лестница, но, похоже, она вела только в подвал. Чтобы добраться до Сидни и остальных, нужно было наверх.

Я посмотрел на приближающихся заражённых с обеих сторон, взвешивая варианты. Всё равно придётся пробиваться, если мы хотим покинуть этот этаж. И лучше сделать это сейчас, пока у меня есть преимущество внезапности.

Я крепче сжал рукоять ножа. Двое справа были ближе.

Я рванул к ним, держась низко и быстро двигаясь. Первый потянулся ко мне с когтистыми пальцами, но я был готов. Я нырнул под его руки и подсёк его за колени. Он рухнул назад с влажным стуком, бесполезно размахивая руками.

Второй был прямо за ним, и у меня не было времени маневрировать. Я прижался к стене и вонзил нож вперёд, целясь в центр тела. Лезвие с тошнотворным хлопанием пробило грудь, и я использовал упор в стену, чтобы вогнать его глубже, прижав тварь к противоположной стороне коридора.

Но она не остановилась. Её руки потянулись к моему горлу, пальцы царапали шею. Я отбил их свободной рукой, удерживая нож в груди, прямо там, где должно быть сердце.

Это безумие. Я вонзил нож в сердце, а она всё ещё пыталась меня убить. Инфекция зашла дальше, чем я мог представить.

Внизу первый заражённый оправился и хватал меня за ноги, пытаясь стащить вниз. Я с силой пнул его в лицо, чувствуя, как что-то хрустнуло под ботинком, но он едва заметил.

Выбора нет.

Я схватил заражённого передо мной за лицо, ощутив неестественный холод его кожи, и начал проталкивать нож вверх, к черепу. Потребовалось несколько яростных ударов, прежде чем я пробил кость и добрался до мозга. Только тогда он затих.

Я отпустил тело и сразу повернулся к тому, что был на полу. Он всё ещё хватал меня, несмотря на то, что я размозжил ему лицо. Я поднял нож и бил по шее, снова и снова, пока не отрубил голову полностью.

— Грр!

Звук раздался прямо за спиной, так близко, что я почувствовал дыхание на затылке. Кровь застыла, когда я понял, что трое других приблизились, пока я сражался.

— Замри! — вырвалось из меня, и мир вокруг остановился.

Я медленно повернулся, борясь с болью, и оценил ситуацию. Трое заражённых, застывших в

прыжке, их лица искажены голодом и яростью. Один был так близко, что я видел нити на его рваной одежде, засохшую кровь под ногтями.

Нужно закончить быстро. Головная боль нарастала до невыносимого уровня, я чувствовал, как сила ускользает, как вода сквозь пальцы.

Я поднял нож, но заколебался. Обезглавливание — верный способ, но нож был скользким от крови и грязи. Рукоять становилась липкой, и я не был уверен, хватит ли мне силы или правильного угла, чтобы разрубить кость и сухожилия.

Но я должен был попробовать.

Я отвёл лезвие и ударил изо всех сил, вложив в удар всё тело.

— Пожалуйста, режь, — прошептал я, умоляя ту силу, что управляла этим кошмарным миром.

И тогда произошло нечто невероятное.

Нож начал светиться.

Сначала это был слабый отблеск, как жар над асфальтом, но он быстро усилился, превратившись в яркий эфирный зелёный свет, пульсирующий, словно с собственным сердцем. Свет был таким ярким, что глаза заслезились, и я чувствовал силу, текущую через лезвие, как электричество по проводу.

ХЛЮП!

Нож прошёл через шею первого заражённого, как через масло, голова отлетела в идеальной дуге. Но он не остановился — лезвие продолжило путь и снесло голову второму заражённому, сверхъестественный край рассёк плоть и кость без малейшего сопротивления.

Третий заражённый всё ещё был заморожен, руки вытянуты, пасть раскрыта. Я видел своё отражение в его стеклянных глазах, заноса сияющий клинок ещё раз. Ещё один идеальный срез, ещё одна голова отделилась от тела.

Затем свечение мигнуло и погасло, время возобновило свой ход.

— Ч... что? — пробормотал я, глядя на нож в руке. Теперь он выглядел обычным — просто окровавленное кухонное лезвие с потёртой деревянной рукоятью. Но я видел, что он сделал, чувствовал силу, что текла через него.

И тут я заметил ещё кое-что.

Я взглянул на правую руку и ахнул. Предплечье, словно цепь, обвивала татуировка, которой там точно не было раньше. Узор был сложным и красивым, из текучих линий и геометрических фигур, которые, казалось, двигались, когда я не смотрел прямо. Тёмно-зелёный оттенок мерцал.

<http://erolate.org/book/1307/167413>